

* * *

С октябрём снегопады совпали,
Отзвенело закат комарё.
Спи, моя земляничная память,
Оборотное зелье моё.

Тонут яблоки в старой корзине,
Вовсе выйдут на Покрова.
День сверкнул хрусталём стрекозиным,
Подогнула колени трава.

И ребёнок, бегущий за ветром,
Колотя деревянный настил,
Однокрылую птицу заметил
И на волю её отпустил.

* * *

В тот год, когда Елена умерла,
Когда из рук моих исчезла сила,
Мария пела и вино пила,
А я прощенья у неё просила.

Я злой была, я горечью была,
Была словами самыми простыми.
В тот год, когда Елена умерла,
Мария отвернулась от пустыни.

Кимвал звучал, тоской звенела медь,
И всякой твари делалось обидно.
Поскольку очевидна стала смерть,
Любовь наоборот – неочевидна.

Меня поила болью из горла
Рука, которой доверяла слепо.
В тот год, когда Елена умерла,
И я за нею потянулась следом.

Она вверху, как облако, плыла.
Вокруг меня песком лежало тело.
Мария пела и вино пила.
Пила вино и пела.

* * *

Когда-нибудь, неповторимый мой,
Потянет в землю, повлечёт домой
Громоздким телом, смутными стихами.
Но, прежде чем проститься на века,
Целую голос твой издалека,
Беспечные слова твои вдыхаю.

Я рассказать хочу тебе о том,
Как дерево за утренним окном
Качалось, вздрагивало, свиристело.
Когда-нибудь – запомни, запиши! –
Освободишься от моей души,
С душою вместе выскочив из тела.

Когда-нибудь останемся вдвоём,
Где тёплый дом, где сад и водоём,
Где ткут, пекут и горбятся над плугом,
Где виноград хранит дверной проём.
И смерть умрём, и жизнь переживём,
И даже не посмотрим друг на друга.

Когда-нибудь откроется и нам:
Все рыбы ускользнули в океан,
Все самолёты улетели в небо,
А мы живём – рассудку вопреки,
В загаженный поток Москвы-реки
Бессмысленно закидывая невод.

* * *

Вечер мой, бесталанный мой,
Закаляй пути домой,
И, об стакан звеня,
Ты нарисуй меня
В самом убогом виде,
Двери размажь и вытри,
Чтоб не зайти, не выйти.

Белой кистью в одном мазке
Проведи меня по Москве,
Кляксами ставь огни.
Выше земли толкни –
Чтоб разлетелась гулом,
Чтоб на бульваре хмуром
Тополь захолонуло...

* * *

Седой бедой от неба до Саян
Мне голос твой из тишины сиял.
Такая затевалась заваруха,
Где жил потомок снега и славян
На древней смеси зрения и слуха.

Глотали рёбра пение стрелы,
Но шли в атаку русские тылы –
Всегда в песке и серые от глины.
И спали – от Таймыра до Тывы –
Ничейные, но братские могилы.

Я буду здесь, пока не отзвенел
Мне голос разнотравья и зверей:
Так жизнь свою о землю истрепали,
Кто с молоком монгольских матерей
Всосали дым над дикими степями.

* * *

По Енисею сплавляют лес и теряют брёвна.
Брёвна потом мужики вылавливают, из местных.
Какие-то топляки достигают моря,
Дальнейшая их судьба неизвестна.

Топляки – это те, что прошли и топор, и воду,
Самое прочное дерево, из железа.
И когда они вырываются на свободу,
Знаешь, что строит море из нашего леса?

Можно расти, всем берегом помня время:
То ледостав, то ледоход, то сплавы.
Лето, похожее на смолу, смородину и тайменя.
Зиму, срастившую этот берег и правый.

Мальчика, что пропал за тем перевалом.
Женщину, что утопла за тем порогом.
Если весной земляники бывает мало,
Значит, потом грибов уродится много.

Зверь не почешет спину, метнётся тенью,
Линия гор – то прямою, то непрямою.
Корни из нашей земли не выдернешь, только
тело
Падает, падает и уплывает к морю.

* * *

Был город. И теперь он есть, конечно.
Там черемшу и первую черешню
На улицах с коробок продают.

Черешню-то теперь нельзя, наверно,
Но черемшу привозят из деревни
И всё-таки с коробок продают.

Был город. Я была. Фонтаны били,
Как водится, конечно, голубые.
И музыка, и музыка была.

(Я всё же это сделаю) – «наивно».
С тем городом любили мы взаимно,
И это первая любовь была.

Мне город был по сердцу и по росту.
Всё было просто. Или очень просто.
Крапивы проще, проще лопуха.

Мне город был на откуп и на милость,
И жизнь ещё совсем не говорилась,
Поскольку говорилась чепуха.

Дождь бил насквозь, он никогда не сеял.
И темнота тянулась с Енисея.
И воробьи гоняли голубей.

Садилась звёзды на макушки сосен,
Там были лето, и зима, и осень,
А вот весну не помню, хоть убей.

А после было много, очень много,
Не жизнь, а бесконечная дорога.
Туда, сюда, куда ни занесёт.

Но город жил, ему какое дело,
Я улетела или прилетела.
И мне не вспоминалось это всё.

Я как походный нож его таскала
С собою от вокзала до вокзала.
От тишины до грома и креста.

Как первая строка стихотворенья,
Он стал мне навсегда – благословенье.
Он навсегда мне стал.

* * *

Рыбы, камни, ил и надо всеми –
Ледяные блики Енисея.
Серая тяжёлая вода,
Сколько жизней ты текла сюда?
Долгая сибирская вода.

И когда я пятернёю всюю
Волосы трепала Енисею,
Волосы из памяти и льда,
Пальцы плыли за водою следом,
Мир качался серебристым светом
И не прекращался никогда.

Потому что Енисей течёт на север.
Потому что он всегда течёт на север.
Потому что он – всегда.